

Т.Г. Румянцева

НЕМЕЦКИЙ ИДЕАЛИЗМ: от Канта до Гегеля



Для студентов учреждений высшего образования

Татьяна Герардовна Румянцева

Немецкий идеализм: от Канта до Гегеля

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18796080

Немецкий идеализм: от Канта до Гегеля: Высшая школа; Минск;

2015

ISBN 978-985-06-2581-6

Аннотация

[<p id="_GoBack">](#)Опираясь на достижения современной историко-философской науки, автор раскрывает основное содержание идей немецкого идеализма конца XVIII – первой трети XIX в., а также определяет место и значение этой интеллектуальной традиции в истории мировой философии и культуры. Представлены важнейшие труды И. Канта, И. Г. Фихте, Ф. В. И. Шеллинга, Г. В. Ф. Гегеля и других мыслителей. Для студентов учреждений высшего образования.

Содержание

Предисловие	5
Введение	11
Немецкий идеализм конца XVIII – первой трети XIX в. Его место, роль и значение в истории мировой философии и культуры	11
Тема 1. Имануил Кант (1724–1804). Развитие творческих взглядов мыслителя. Докритический период	28
1.1. Место Канта в традиции немецкого идеализма	28
1.2. Основные периоды творчества мыслителя: докритический, предкритический, критический и посткритический	33
1.3. Разработка натурфилософской и естественнонаучной проблематики в ранних работах Канта. Сущность космогонической гипотезы и ее роль в обосновании новой, немеханистической картины мира	38
1.4. Проблемы метафизики в докритический период творчества Канта и начало формирования критической методологии	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Татьяна Румянцева

Немецкий идеализм: от Канта до Гегеля

© Румянцева Т. Г., 2015

© Оформление. УП «Издательство “Вышэйшая школа”»,

2015

Предисловие

Одной из задач современной историко-философской науки является пересмотр ряда традиционных стереотипов в понимании их места, сути и значения как отдельных знаковых персоналий, так и целых этапов в развитии европейской философской мысли. Это в значительной мере относится и к трудам немецкой классической философии (особенно учитывая то значение, которое ей отводилось в качестве одного из теоретических источников марксистско-ленинской философии и марксизма в целом). В последнее время в России и за рубежом все чаще рассматриваются работы, суть, значение и сама правомерность применения которых, утвердившиеся еще с советских времен, переосмысливаются. Отечественная философская мысль не должна оставаться в стороне от результатов новейших и актуальных ныне исследований, особенно когда речь заходит о подготовке учебной литературы для студентов-философов, призванных в своей будущей профессиональной деятельности осуществлять мировоззренческую и общекультурную подготовку специалистов учреждений высшего образования нашей страны. Те знания, с которыми они придут в аудиторию, должны соответствовать современному уровню развития философской науки. Это и явилось главным побудительным мотивом подготовки данного учебного пособия, призванного соответство-

вать последним достижениям историко-философского знания. Оно выполнено на основе многолетнего чтения автором курса лекций по «Немецкой классической философии», переименованного ныне в курс под названием «Немецкий идеализм: от Канта до Гегеля». Были использованы результаты научно-исследовательской работы по данной тематике, многочисленные материалы, подготовленные и собранные автором как участником международных конференций, кантовских и гегелевских конгрессов, кантовских чтений на родине философа в Калининграде, а также тексты, опубликованные в российском журнале «Кантовский сборник» и на сайте kant-online.ru Института им. И. Канта при Балтийском федеральном университете.

При написании пособия в той или иной мере были учтены и использованы материалы прежних научных и учебных изданий автора, посвященные немецкой философской традиции XVIII – XIX вв. Так, еще в 1999 г. был опубликован первый в отечественной философии глоссарий по немецкой трансцендентально-критической философии, в котором раскрывалось содержание основополагающих понятий и главных работ ее основных представителей – И. Канта, И. Г. Фихте, Ф. В. Й. Шеллинга и Г. В. Ф. Гегеля [64]. В 2004 г. к 200-летию со дня смерти и 280-летию со дня рождения Канта вышла работа, в которой подробно анализируются главные труды и основополагающие идеи немецкого мыслителя [22]. В 2008 г. опубликован курс лекций «Немецкая трансценден-

тально-критическая философия (середина XVIII – первая треть XIX в.)» [65]. И наконец, в 2014 г. вышло пособие под названием «Г. Гегель: от “Феноменологии духа” к “Энциклопедии философских наук”», посвященное переосмыслению основного содержания, места и значения первой крупной гегелевской работы («истинного истока и тайны» его философии) «Феноменология духа». Здесь же показаны особый системный статус и системная функция «Феноменологии духа» в учении Гегеля, выявлены наиболее актуальные и имеющие современное звучание идеи этой работы, ее классические и новейшие интерпретации [71].

Бурное развитие современного историко-философского знания и таких его отраслей, как кантоведение и гегелеведение, ставит в качестве фундаментальной задачу обобщения всех полученных в данной области результатов. Кантоведение выдвигается сегодня на самые передовые рубежи в мировой философской науке. В свете этих достижений требуется создание новых обобщающих работ системного характера, в том числе и учебных пособий нового типа, широко освещающих суть и значение учения Канта и его ближайших последователей.

В данном пособии по курсу «Немецкий идеализм: от Канта до Гегеля», изучаемому на философском отделении факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, рассматривается один из наиболее сложных и значимых периодов в развитии западноевро-

пейской философской мысли, представленной Кантом, Фихте, Шеллингом, Гегелем и другими мыслителями. Важность и актуальность обращения к этой ставшей уже канонической философской эпохе продиктованы не только чисто учебными целями, но и необходимостью профессионально-академического усвоения этого поистине «золотоносного пласта» европейской интеллектуальной традиции. Не отрицая факта автономной целостности и самодостаточности данной философской эпохи, ее вневременной значимости и ценности, мы должны в то же время считать необходимым ее осмысление и для понимания общекультурной и общепhilosophической ситуации, сложившейся в новейшей философии последней трети XX – начале XXI в. Эпатируя антикантианскими и антигегелевскими настроениями, заявляя о резком разрыве с философской классикой, эта традиция, тем не менее, оказывается генетически тесно связанной с классикой, так как именно ее парадигмы во многом определили облик большинства направлений современной западной философии.

С учетом того что многие идеалы и ценности, веками составлявшие ядро «европейского человечества» (вера в разум, прогресс, свобода и достоинство личности, гуманизм и т. д.) и обеспечивавшие социокультурное единство и целостность западного мира, были наработаны и закреплены в европейской ментальности именно философской классикой, высшим достижением которой и стала немецкая философия конца XVIII – первой трети XIX в., следует признать

очевидной невозможность постижения вне рамок этой традиции европейских социокультурных реалий, в том числе и ряда информационных новаций и технологий.

При подготовке данной работы автор учитывал, что в рамках немецкого идеализма конца XVIII – первой трети XIX в. был сформирован качественно новый облик философии, характеризующейся высокой степенью обобщенности и рассчитанной на узкий круг хорошо подготовленных читателей. Здесь были созданы чрезвычайно трудные для усвоения специальные философские произведения, изобилующие крайне абстрактными концептами; некоторые из них вообще впервые вводились в научный оборот, другие же претерпевали радикальную трансформацию, приобретая необычный и даже одиозный характер. Все это потребовало экспликации основополагающих идей и терминов данного направления в философии, разъяснения их смысла и основного содержания, что и было проделано автором в данном пособии.

Изучение дисциплины «Немецкий идеализм: от Канта до Гегеля» предполагает:

а) выявление специфики немецкого идеализма конца XVIII – первой трети XIX в. как высшего и завершающего звена в развитии новоевропейского рационализма и философской классики;

б) анализ этапов в творчестве основополагающих представителей данной эпохи развития философии в Германии: Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля;

в) определение сущности и основного содержания главных работ и фундаментальных понятий немецких мыслителей, анализ классических и новейших интерпретаций их идей;

г) обоснование значения, места и роли немецкого идеализма XVIII – первой трети XIX в. в истории западноевропейской философии и духовной культуры.

Преимущественное внимание при изложении материала учебного пособия было уделено рассмотрению главных идей и работ, репрезентирующих основное содержание *теоретической философии немецких мыслителей*. Этическая, эстетическая и политическая проблематика освещается в соответствующих курсах по этике, эстетике, социальной философии и политологии, также изучаемых на философских отделениях университетов, что, впрочем, не означает отсутствия авторского внимания и к этим вопросам, просто излагаемым в тексте пособия менее подробно. Автор посчитал также приоритетными изложение и анализ идей Канта и Гегеля как мыслителей, идеи которых оказали наибольшее воздействие на последующую философскую традицию, а также в связи с их наибольшей вовлеченностью в современный философский дискурс.

Введение

Немецкий идеализм конца XVIII – первой трети XIX в. Его место, роль и значение в истории мировой философии и культуры

Прежде чем перейти к выявлению специфических особенностей данной философской традиции, следует хотя бы вкратце охарактеризовать ряд новых подходов к ее пониманию и трактовке в современной философской литературе. Это тем более важно, что сложившиеся вокруг немецкой классической философии еще в советские времена стереотипы и штампы и сегодня продолжают воспроизводиться уже в новейших учебных пособиях.

1. Первый из них касается самого *названия* данной традиции, т. е. ее своего рода идентификационной метки. По словам российской исследовательницы М. Ф. Быковой, само «выражение «немецкая классическая философия», становится весьма проблематичным и требует уточнения» [40, с. 212–213]. Впервые данное словосочетание ввел в научный оборот Ф. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец клас-

сической немецкой философии» (1886). Затем оно перековало почти во все учебники истории философии и стало образцовым для учебных курсов, основательно закрепившись и в советской литературе. В немецкую классическую философию Энгельс включал, однако, не только идеалистические системы Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, но и материалистическое учение Фейербаха. Именно он, по словам того же Энгельса, существенно превзошел всех своих предшественников, став своего рода «посредствующим звеном» между философией Гегеля и теорией классиков марксизма. В таком (энгельсовском) понимании немецкая классическая философия читается и сегодня, воспроизводя имманентно заложенное в нем идеологически ангажированное толкование самого ее значения в качестве непосредственного теоретического источника марксистско-ленинской философии. Таким образом, это отнюдь не нейтральный описательный термин, а термин, который несет серьезную идейную нагрузку.

Однако он не везде использовался одинаково успешно [40]. Например, в немецкоязычной и англоязычной традициях многие десятилетия было принято говорить не о классической немецкой философии, а о немецком идеализме или метафизическом идеализме. Как в современной Германии, так и в России, где особенно интенсивно ведутся исследования данного этапа развития философской мысли, почти единодушно признают, что введенный марксизмом тер-

мин «немецкая классическая философия» крайне неудачен еще и потому, что сами представители данной традиции никогда так себя не называли. Более того, при таком подходе из нее выпадают важные фигуры, во многом определявшие интеллектуальный климат первой четверти XIX в. в Германии и других европейских странах. В нее не попадают многие непревзойденные классики немецкой мысли – Лейбниц, Якоби, Ф. Шлейермахер, наконец, Гёте и Шиллер, Шопенгауэр и др. Следует признать, что наиболее адекватным и отвечающим современному уровню развития философской науки термином для обозначения данного этапа в развитии западноевропейской мысли является «немецкий идеализм второй половины XVIII – первой трети XIX в.». Именно под таким названием и читается сегодня данный курс студентам-философам в Белорусском государственном университете.

Нельзя, однако, не упомянуть в этом контексте справедливое замечание уже упоминаемой ранее М. Ф. Быковой, которая отмечает, что ассоциирование немецкой классики с идеализмом вызывает ряд серьезных проблем, связанных с укоренившимся в отечественной философской литературе негативным отношением к самому термину «идеализм» [40, с. 215]. Его пренебрежительно-негативное истолкование и употребление без учета исторического и интеллектуального контекста ведут к значительным заблуждениям и упрощениям, граничащим с ошибочными интерпретациями немец-

кой философской классики в целом и немецкого идеализма в частности.

2. Мифом, от которого также следует отказаться и который, тем не менее, по-прежнему сегодня часто воспроизводится, является тезис о том, что в немецкой философии начиная со дня смерти Лейбница (1716) и до публикации первого издания кантовской «Критики чистого разума» (1781) якобы вообще был провал и поэтому Канту пришлось создавать свое учение чуть ли не на пустом месте. Однако новейшие исследования [44] показывают, что середина XVIII в. в Германии была чрезвычайно интеллектуально насыщенной эпохой, а кантовская метафизика явилась ответом на длившуюся в стране в течение нескольких десятилетий дискуссию о статусе, роли и возможности этой метафизики. Без этой дискуссии понять действительно новый облик кантовской философии вряд ли представляется возможным. Другое дело, что имена ряда виднейших представителей данной эпохи, таких как Ф. Якоби, И. Г. Гердер, И. Гаман, И. Ламберт, М. Мендельсон, Т. Аббт, Я. Тетенс и др., почти не фигурируют в отечественной историко-философской литературе, особенно учебной. И это несмотря на то что многие из них еще задолго до Канта сформулировали целый ряд положений, приписываемых исключительно этому философу: идея об активности сознания, о субъективности пространства и времени, а также вопросы, касающиеся различения методов математики и философии, трактовки каузальности

и трансцендентальной видимости. Все это, впрочем, вовсе не умаляет заслуг великого кенигсбергского мыслителя, сумевшего органично и новаторски переплавить многие идеи в единую систему и совершить легендарный «коперниканский переворот».

3. Неправомерна и попытка представить создателей философских систем (Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля) как единственно значимых ключевых фигур, аккумулировавших в своем творчестве все мыслительное содержание данной эпохи, рассматривая при этом всех остальных немецких философов XVIII в. не более чем как исторический фон [62, с. 208]. Для более адекватного понимания феномена немецкого идеализма следует отказаться от сосредоточения на достижениях только отдельных («базовых») лиц и перейти к рассмотрению сложных связей внутри довольно обширного интеллектуального сообщества тогдашней Германии. Кстати говоря, в современной России много уже сделано в этом направлении: осуществляются высокопрофессиональные переводы оригинальных текстов мало известных ранее авторов, издаются серьезные работы, в которых подробно анализируется их творчество [40, с. 208].

4. Следует упомянуть также и особенно упорно воспроизводимое в отечественных учебниках по философии, как, впрочем, и в отечественной философской литературе в целом, представление о *цельности и внутренней завершенности немецкого идеализма данной эпохи*. Речь идет и об уста-

новке на усмотрение *имманентной логики*, или, по словам П. В. Резвых, «прямой генеалогической преемственности» между созданными Кантом, Фихте, Шеллингом и Гегелем концепциями [62, с. 209]. Приступив в самом начале 90-х гг. к работе над курсом «Немецкая классическая философия», автор также использовал эту схему, опираясь на имевшиеся тогда исследования известных советских авторов. Однако знакомство с новейшими научными разработками последних десятилетий, а также участие в многочисленных международных формах позволяет автору утверждать, что такая схема представляется сегодня слишком упрощенной и не соответствует действительному положению дел [40, с. 209], о чем более подробно будет отмечено при рассмотрении места Канта в традиции немецкого идеализма.

5. Во многом благодаря классикам марксизма в нашей философии прижилось и такое представление, что немецкую классику следует рассматривать исключительно как интеллектуальный эквивалент *Великой французской революции* или, как тогда писали, «немецкую теорию французской революции». Не отрицая наличия определенной связи между революционным характером тогдашней европейской истории и немецкой классической мыслью, следует тем не менее помнить, что главная книга Канта – «Критика чистого разума» (1781), в которой были фактически разработаны все основополагающие принципы его трансцендентально-критической философии, вышла в свет задолго до собы-

тий Великой французской революции (1789–1799). Не следует также забывать о том, как неоднозначно относились к этой революции и сам Кант, и его великие последователи. Достаточно вспомнить «Феноменологию духа» – эту раннюю работу Гегеля, в которой он, несмотря на юношеское преклонение перед революцией во Франции, не пожалел красок для описания «ужасных, роковых злоключений сознания после того, как его захватило упоение абсолютной свободы и ощущение общности воли». Исследования последних лет показывают, что немецкую философию этой эпохи следует рассматривать скорее как имманентный продукт внутреннего развития, как итог мощных интеллектуальных движений, разворачивавшихся в духовной жизни самой Германии, дальнейшим развитием ряда тех новых идей, которые были высказаны предшественниками Канта.

Характеризуя немецкий идеализм конца XVIII – первой трети XIX в., следует отметить, что это грандиозный этап в развитии немецкой и западноевропейской философской мысли, представленный именами Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и их многочисленными сторонниками и оппонентами. Он представляет собой целую эпоху в развитии западноевропейской культуры и философии, хронологически охватывая чуть менее столетия интенсивных и чрезвычайно напряженных по своим результатам и важных по степени последующего воздействия интеллектуальных поисков. Это своего рода каноническая философская эпоха, сконцентри-

ровавшая в себе потенциал всей западноевропейской метафизики от Платона до философии XVIII в. и потому навсегда внесенная в классический ареал человеческой мысли.

Немецкий идеализм конца XVIII – первой трети XIX в. представляет собой итог двухтысячелетней предшествующей философской традиции; высшее, завершающее звено в развитии новоевропейского философского рационализма и философской классики, которой присущи претензии на систематическую целостность и завершенность, убежденность в естественной упорядоченности мироустройства, наличие в нем гармонии и порядков, доступных рациональному постижению. В то же время это и тот исток, с которым оказывается генетически связана современная западная философия последней трети XIX – XX и XXI вв., ибо именно парадигмальные установки немецкой классики во многом предопределили облик большинства направлений, школ и течений неклассической и постнеклассической философии.

Интересующая нас философская традиция представлена целой плеядой гениальных личностей и оригинальных мыслителей, каждый из которых – это звезда первой величины и совершенно особый философский мир. При всем разнообразии развиваемых здесь идей и концепций попытаемся все же выделить и некоторые общие, присущие данной философской традиции черты.

Прежде всего следует отметить, что каждый философ после Канта, начиная выработку собственной концепции, во

многим опирался на идеи своих предшественников. Так, трудно представить себе учение Фихте без его тесной связи с идеями Канта, хотя философия Фихте серьезнейшим образом отличается от учения великого кенигсбергца. Более того, судить о ней, игнорируя идеи К. Л. Рейнгольда, Г. Э. Шульце (Энесидема), С. Маймона, Ф. Г. Якоби и др., не представляется возможным. Точно так же обстоит дело и с учением Шеллинга, мало понятным без предварительного уяснения его органической связи с предшествующими ему идеями его учителя Фихте. Хотя опять же – у Шеллинга решаемые его предшественником задачи приобретают чуть ли не противоположное значение. Еще сложнее обстоит дело с учением Гегеля, которое не может быть непосредственно дедуцируемо из философии его предшественников, однако и он формулировал многие свои идеи и задачи, опираясь на взгляды Канта, Фихте и особенно раннего Шеллинга. Таким образом, при всем богатстве, уникальности и разнообразии идей и учений перечисленных выше немецких мыслителей можно все же выделить ряд существенных принципов, которых они придерживались на протяжении данного этапа развития.

Сходное понимание роли самой философии в обществе.

Все немецкие мыслители, по словам Н. В. Мотрошиловой [53, с. 304], вверяли философии высочайшую духовную миссию – быть критической совестью культуры, осуществлять критическую рефлексию по отношению ко всем сферам

человеческой жизнедеятельности. Неслучайно Гегель писал, что «философия есть современная ей эпоха, постигнутая в мышлении». Некоторые новейшие философы, особенно представитель американского неопрагматизма и оракул западного «популярно-демократического» понимания философии Р. Рорти, оспаривают сегодня эту претензию, считая, что Гегель и Кант «вообще воспринимали философию слишком серьезно» и что на деле она являет собой «только один из способов сглаживания напряжений между сферами культуры». Однако эту точку зрения разделяют далеко не все представители современной европейской философии. Так, М. Фуко, восхищаясь Кантом и во многом разделяя его понимание роли и значения философии, полагал, что ее задача состоит в том, чтобы «диагностировать наши актуальные становления, пронизывающие эпоху как нечто межвечное, несвоевременное, актуальное». Немецким мыслителям второй половины XVIII – первой трети XIX в. во многом удалось «диагностировать» актуальные становления своей эпохи, сформулировать и закрепить в сознании людей идею о высочайшей культурно-цивилизующей, гуманистической миссии философии. В этом плане данная традиция и по сей день остается недостижимым идеалом, задающим высочайшую планку в стремлении дать завершающее осмысление этого мира в концептах.

Формирование качественно нового облика самой философии в виде разветвленной, тщательно разработанной в ка-

тегориально-понятийном плане, специальной системы дисциплин, части которой тесно увязаны в единое целостное образование и характеризуются высочайшей абстрагированностью и обобщенностью.

В этом плане созданные в рамках немецкого идеализма учения крайне сложны для понимания и усвоения. Сами его представители объясняли эту особенность своих творений чрезвычайной сложностью рассматриваемых в них проблем, новой терминологией, необычной не только для широкой читательской публики, но и для философов вообще. Неслучайно Гегель писал, что «о нас идет слава как о глубоких, но часто неясных мыслителях», а Кант, характеризуя свою «Критику чистого разума», отмечал в предисловии к «Прологоменам», что «книга суха, темна, противоречит всем привычным понятиям и притом слишком обширна». Произведения данных философов никогда не были рассчитаны на широкий круг читателя. Это скорее специальные философские тексты, изобилующие крайне абстрактными дедукциями и невероятно сложными для понимания концептами: некоторые из них обозначаются из ряда вон выходящими и шокирующими словами: архаизмы, неологизмы, головокружительные этимологические изыскания, демонстрирующие, по словам Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «характерно философский род атлетизма».

Разработка диалектического метода, который открыл грандиозные возможности для применения к исследованию

всех областей человеческой жизни: природы, общества, человека, познания, науки, культуры, нравственности и т. д.

Идеи диалектики красной нитью проходят через всю немецкую классику, обогащаясь и развиваясь от одного философского учения к другому. Наивысшую форму диалектического метода мы находим в философии Гегеля. Однако истоки диалектики, развиваемой в качественно иной по сравнению с гегелевской и порой в более интересной, чем у того, форме, лежат в рассуждениях Канта, создавшего грандиозную антитетику чистого разума, или учение об антиномиях. Сегодня кантовскую трактовку диалектики стали все чаще противопоставлять тем ее версиям, которых придерживалось большинство его последователей. При этом отмечается, что для Канта она была не более чем «логикой видимости», а само наличие противоречий в разуме полагалось им как то, что должно с необходимостью быть устранено, тогда как для Фихте противоречия станут движущей силой и источником всякого развития вообще. Сама же диалектика в послекантовской мысли все больше приобретает характер глобального универсального метода. Интересно, что в этом контексте сегодня все чаще упоминается имя не Гегеля, а именно Фихте, которому приписывают роль основоположника всей традиции собственно немецкого идеализма XVIII – XIX вв. и разработчика ряда существенно новых диалектических ходов в философии [58, с. 178, 184]. Имеется в виду, в частности, метод дедукции, который впослед-

ствии назовут спекулятивным, или диалектическим, методом (хотя это далеко не одно и то же).

Наличие ряда общих принципов в трактовке социально-философской и философско-исторической проблематики.

Несмотря на достаточно существенный разброс мнений в подходах и трактовках развития истории, всех философов этой традиции объединяет так или иначе гносеологический и социологический оптимизм. История рассматривается здесь как разумный процесс, который может быть исследован путем приложения к нему рациональных средств и критериев, т. е. с помощью арсенала научно-теоретических методов, позволяющих выявить логику его развития. Все немецкие философы-классики стремились обнаружить и выявить в истории некие регулярности, закономерности, которые указывали бы на так называемую истинную природу человека. На ее основе предполагалось затем выстроить соответствующие политико-правовые институты, которые бы не искажали эту природу.

Наряду с признанием положения о закономерном характере исторического процесса другим центральным мотивом немецкой философии этой эпохи стала выдвинутая еще просветительской мыслью идея о *прогрессе человечества* в ходе его истории. Прогресс мыслился здесь как поступательное движение, осуществляемое «согласно определенному плану природы» (Кант) или как «прогресс в осознании свободы»,

подчиненный логике развития абсолютного духа и направленный в сторону постоянного совершенствования человеческого рода (Гегель). Утверждения о едином субъекте исторического развития, а также попытки наделить историю универсальной конечной целью, а тем самым и имманентным смыслом, придав ей, таким образом, телеологический, одномерно-линейный характер, нашли свое окончательное воплощение в гегелевской концепции философии истории. В связи с этим следует акцентировать приверженность всех немецких классиков принципам свободы и гуманизма при рассмотрении человека и истории, что предполагало глубокий анализ тех трудностей, которые стояли на пути их воплощения в жизнь. Неслучайно именно обоснование этой свободы и поиски основополагающих вневременных основ человеческого существования станут для Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля конечной целью всех философских поисков.

Немецкий идеализм конца XVIII – первой трети XIX в. часто называют еще и *трансцендентально-критической философией* [65], потому что он обогатил человеческую мысль принципиально новым способом философствования, взяв в качестве особого, исходного его пункта сосредоточение всех интеллектуальных интересов в основном на гносеологической проблематике. В отличие от предшествующей философии, начинавшей с вопроса о том, *что* такое предмет, Кант – философ, с которого во многом берет отсчет данная философская традиция, – ставит вопрос о том, *как* происходит и

как вообще возможно познание о предмете, каковы виды и специфические закономерности этого познания. Отталкиваясь в своих рассуждениях от рассмотрения познавательного процесса и установления границ его компетенции, немецкие философы попытались всему и вся дать именно познавательную оценку. Само слово *трансцендентальное*, с помощью которого квалифицировали свою философию Кант, Фихте, ранний Шеллинг и ряд их современников, и означает исследование не предметов, а видов их познания, причем исследование этого познания *a priori* – до опыта, т. е. до того, как наш познавательный инструмент будет пущен в ход.

Исследуя диапазон познавательных сил разума, немецкие философы превращают его одновременно и в своего рода трибунал, все и вся ставящий перед своим судом, поэтому немецкая философия данного периода – это еще и *критическая философия*. Следует заметить, что из понимания философии как критики проистекают многие основополагающие установки современного философствования. Вряд ли будет преувеличением сказать, что именно от Канта ведет свое начало тот новый способ, своего рода новый этос, который вот уже на протяжении двух последних столетий стал достаточно важным и наиболее действенным и конструктивным способом философствования. Это идея немецкого мыслителя о том, что философия должна быть критической, или критикой в самом широком смысле этого слова – критическим вопрошанием о настоящем, когда философ не только переста-

ет покоряться действительности, но и конструирует новые ценности, утверждая законодательный характер своей науки. Так будет понимать задачи философии и Ницше, который станет радикальным продолжателем критического дела Канта и его идеи понимания философии как законодательной философии. Идеи о единстве критической идеи и философии придерживаются и многие философы XX – XXI вв. В терминах кантианского словаря это критическое вопрошание о настоящем, о нас самих и есть попытка ответить на вечные вопросы о том, что мы можем знать, что мы должны делать, на что можем надеяться. Имеем ли мы сегодня мужество пользоваться собственным разумом? А ведь только с этого момента и только в этом случае главной установкой и главным способом существования философии становится критика, которая должна быть также и *утверждающей*, затрагивающей любое притязание на истину, познание и нравственность. Критическая функция философии означает преодоление настоящего, всего устоявшегося в нем, «переоценку всех ценностей» (хотя, разумеется, не в смысле их разрушения или отрицания, пусть даже и в мысли). Как отмечал виднейший французский философ конца XX в. Делез, суть критической работы философии состоит «в отыскании сил, приводящих в действие присвоение мира в качестве видимого, познаваемого, уже в самой своей явленности несущего некую ценность».

Таким образом, немецкий идеализм конца XVIII – пер-

вой трети XIX в. ни в коей мере не следует рассматривать только как совокупность теорий или пусть даже гениальных учений, созданных более двухсот лет назад и остающихся по-прежнему чрезвычайно важной составляющей постоянно прирастающего философского и общекультурного знания и сегодня. Один из доминирующих векторов последующего развития философии, многое из того, что и сегодня есть в ней «глубокого и истинного», является, по словам М. К. Мамардашвили, во многом лишь «осознаванием действительных идей классической философии».

Осуществленный Кантом «коперниканский поворот» в философии, показавший, что все в мире в конечном счете обусловлено нашей познавательной способностью, радикально изменил статус философии, возводя ее в ранг фундаментальной неэмпирической, «базисной дисциплины», высшей формы авторефлексии культуры, осуществляющей анализ предельных оснований познания и деятельности людей и дающей рекомендации по совершенствованию налично-сущего эмпирического состояния. Более того, именно философия должна была теперь определять когнитивный статус всех других форм дискурса, придавая всем им, будь то наука, мораль или искусство, статус легитимности.

Тема 1. Имануил Кант (1724–1804). Развитие творческих взглядов мыслителя. Докритический период

1.1. Место Канта в традиции немецкого идеализма

В новейшей философской литературе все чаще звучит сегодня мысль о том, что Канта не следует, как это традиционно считалось, рассматривать в качестве основоположника немецкого классического идеализма и той исторической формы диалектики, с которой эта философская традиция обычно ассоциируется [58; 39]. Несмотря на то что последователи Канта при построении собственных философских учений действительно во многом отталкивались от его идей и придерживались ряда общих с ним и довольно существенных принципов, его все же *нельзя* ставить в один ряд с Фихте, Шеллингом и Гегелем. Для аргументации данного тезиса следует обозначить особый характер кантовского идеализма, который существенно отличается от взглядов вышеперечисленных философов. Достаточно показать, что сформулированный им «проект “реформы метафизики”» был впо-

следствии отвергнут так называемыми немецкими идеалистами, которые в свою очередь осуществили “перерождение метафизики” на диалектической основе» [58, с. 178], поэтому «сегодня влияние Канта уже никак не связано с учениями, которые создавались под впечатлением его системы в конце XVIII в.» [39, с. 427]. Однако все это не означает, что в историческом рассмотрении мы можем игнорировать сформированную Кантом традицию, которая обозначается как «немецкий классический идеализм», т. е. совокупность философских учений самого Канта, а также Фихте, Шеллинга и Гегеля.

Важно отметить, что кантовская реформа старой спекулятивной метафизики «сверхчувственного» и в самом деле предполагала радикальный разрыв со всеми ее схоластическими версиями и ориентацию на опыт и науку, в то время как в теоретических построениях его последователей мы обнаруживаем претензии на сверхопытное познание трансцендентного. Это становится возможным благодаря качественно иной по сравнению с Кантом трактовкой природы самого разума, который из обычной человеческой способности возводится в ранг субстанциальной основы мира. В соответствии с этим мы имеем (начиная уже с Фихте) дело с принципиально иной разновидностью, или формой, идеализма. На смену трансцендентально-критическому идеализму Канта, который никогда не отвергал ни объективного существования мира вне нас, ни чувственного познания, приходит

«подлинный» (в чистом виде) идеализм Фихте и Шеллинга, которые начинают с устранения вещи в себе в ее кантовском значении. Суть же идеализма Канта состоит в том, что мы *не создаем* вещи, что они всегда *даны* нам в чувственном восприятии; от нашей же познавательной способности зависит только то, *как* они нам даны и *как* предметы нам являются. Любой предмет познания обязательно должен подчиняться всеобщим формам чувственности и рассудка как условиям возможности опыта относительно этого предмета. Только изучив эти всеобщие формы, мы сможем узнать что-то и о самом предмете возможного опыта. Но речь здесь идет только о *форме* нашего познания предмета, а не о его содержании, поэтому Кант всегда очень резко выступал против Фихте, позиционировавшего свое учение как «правильно понятую и единственно возможную форму» философии его великого предшественника.

Что же касается *диалектики* Канта (и прежде всего его учения об антиномиях чистого разума), ее ни в коей мере не следует рассматривать как источник марксистской и тем более гегелевской диалектики. Самому этому термину, как уже отмечалось во введении, он придавал исключительно негативный характер, трактуя диалектику как «логику видимости», а раздел «Критики чистого разума», озаглавленный Кантом «Трансцендентальная диалектика», представляет собой, по его же мнению, исследование именно иллюзий, в которые впадает разум при отсутствии у него дисциплины,

предписанной критикой. По существу, здесь, в своей диалектике, Кант отвечает на вопрос о том, чего *не может* разум, хотя и хочет.

Несмотря на то что в ранних своих работах Гегель высоко отзывался о кантовских антиномиях, он всегда был в принципе против того способа их решения, который выдвинул Кант. Последний полагал, что наличие противоречий в разуме – это большая для него *опасность* и если их не разрешить, тот разрушит себя, впадая в столь ненавистный великому кенигсбергцу скептицизм. «Диалектическая» программа Канта и предполагала спасти целостность разума, преодолев наличие в нем противоречивой двойственности. Что же касается его последователей (опять же начиная уже с Фихте), то для них именно противоречие становится движущей силой развития, а сам процесс познания превращается, по сути, в переход от одного противоречия к другому путем их обнаружения и разрешения. В этом плане сегодня все чаще звучит все еще кажущаяся «крамольной» мысль о том, что подлинным основоположником немецкого классического идеализма конца XVIII в. следует считать вовсе не Канта, а Фихте, заслугой которого стала разработка целого ряда системообразующих принципов, впоследствии развитых и усовершенствованных Шеллингом и Гегелем. Следует отметить, что все сказанное выше ни в коей мере не принижает места и роли Канта в традиции немецкого идеализма, а, наоборот, лишний раз акцентирует уникальность его учения,

благодаря которому философия обрела дух основательности
и критической рефлексии.

1.2. Основные периоды творчества мыслителя: докритический, предкритический, критический и посткритический

Иммануил Кант родился в Кенигсберге, с которым была связана вся его жизнь. Там он окончил старейший в Пруссии университет (Альбертина) (1745), стал доцентом (1755–1770), профессором (1770–1801), ректором (1786 и 1788), там же он и похоронен. Философ оставил после себя огромное наследие. Судя по Полному академическому собранию сочинений Канта, издание которого было начато в Германии еще в 1900 г., оно занимает 29 томов: девять томов, опубликованных при жизни, фактически дублируются в изданном в России восьмитомном собрании сочинений (1994); четыре тома занимает эпистолярное наследие, насыщенное в том числе и философскими сюжетами; десять томов – это рукописные наброски по математике, физике, химии, физической географии, антропологии, логике, метафизике и философии морали, где два тома (21-й, 22-й) занимает последнее и незаконченное Кантом произведение *Opus postumum*, вокруг которого до сегодняшнего дня ведутся многочисленные споры и дискуссии; и, наконец, шесть завершающих томов – это лекционное наследие, главным образом тексты по логи-

ке, антропологии, физической географии, метафизике, философии морали и рациональной теологии. На русском языке, как уже отмечалось, опубликованы его шеститомное собрание сочинений (1963), восьмитомное (1994) и сочинения на немецком и русском языках в четырех томах (2006).

В интеллектуальной биографии Канта традиционно выделяли два периода – докритический и критический. Однако в последние годы в кантоведении принято более дробное деление его творчества, когда наряду с двумя вышеотмеченными различают еще предкритический и посткритический периоды. Хронологически это выглядит следующим образом. Первый из них – *докритический период* охватывает время с 1746 г. – даты написания первой, еще студенческой работы философа «Мысли об истинной оценке живых сил» и до конца 1760-х. Свое название он получил и потому, что по времени предшествует так называемому критическому периоду, но не только. Он и в содержательном плане в значительной мере отличается от критического, хотя многие кантоведы предостерегают сегодня против резкого их отделения друг от друга, в чем будет возможность убедиться при последующем (более подробном) их рассмотрении. Сам Кант говорил, что тогда он еще «не пробудился от догматического сна», оставаясь в лоне догматической метафизики, мало заботящейся о том, как разум дошел до тех знаний и понятий, которыми он пользуется. В сочинениях докритического периода еще не выработан характерный для последующего времени крити-

ческий метод, а в центре философских интересов стоят натурфилософские и естественнонаучные вопросы – возникновение мироздания, причины землетрясений и ветров, старение Земли и др. Работы этих лет (главная из них – «Всеобщая естественная история и теория неба», 1755) проникнуты гносеологическим оптимизмом, верой в способность постигнуть то, что обычно представлялось недоступным познанию. Эпиграфом к творчеству этого периода могли бы стать слова самого же Канта: «Дайте мне только материю, и я построю вам из нее целый мир...».

Что касается *предкритического периода*, хронологически охватывающего 1770–1780 гг., то его часто именуют «периодом молчания» Канта. За эти годы он действительно не опубликовал ни одной работы, хотя оставил огромное количество набросков, без которых была бы невозможна его «Критика чистого разума». Кстати, ряд этих материалов был впервые опубликован на русском языке в книге: И. Кант «Из рукописного наследия» (2000).

Философия *критического периода* обычно датируется 1770 г., когда была написана последняя (четвертая) диссертация Канта «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира», считающаяся переходной от докритического к критическому периоду. Критическая философия Канта включает в себя три его «Критики» – «Критика чистого разума» (1781, 1787), «Критика практического разума» (1788), «Критика способности суж-

дения» (1790) – и целый ряд менее крупных работ, в том числе «Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука» (1783), «Основоположение к метафизике нравов» (1785), «Метафизические начала естествознания» (1786), «Религия в пределах только разума» (1793), «Метафизика нравов» (1797), а также трактаты и статьи, включая знаменитые «Спор факультетов» (1798), «Антропология с прагматической точки зрения» (1798) и др. Именно эти работы критического периода и в такой последовательности представлены в немецко-русском издании сочинений философа. Данный период называется критическим, потому что во всех сочинениях Кант исходит из требования, согласно которому каждое философское исследование должно основываться на критике или критическом исследовании нашей познавательной способности и тех границ, дальше которых не может простираться само знание. Метод проверки этой способности и есть критический метод, суть которого не в познании предметов и их свойств, а в исследовании самого познания и его видов – априорных условий возможности самого этого познания. Основное содержание идей Канта этого периода будет подробно раскрыто в последующих темах.

И наконец, *посткритический период* связывают с уже упоминаемым ранее последним текстом Канта *Opus postumum* (1796–1803), который он хотя и называл своим главным сочинением, таковым вряд ли может считаться, что объясняет-

ся незаконченностью произведения, а также состоянием здоровья Канта в эти последние годы его жизни. Здесь он обозначил две основные идеи: переход от метафизики к физике, еще ранее намеченный в «Метафизических началах естествознания», и идею трансцендентальной философии как метафизики и как завершенной системы. По словам профессора С. А. Чернова, который осуществил перевод *Opus postumum* на русский язык и снабдил текст подробными комментариями по поводу его основного содержания, истории создания и исторических судеб, «история рукописи продолжается» и сегодня.

1.3. Разработка натурфилософской и естественнонаучной проблематики в ранних работах Канта. Сущность космогонической гипотезы и ее роль в обосновании новой, немеханистической картины мира

Развитие Канта-философа начинается с разработки проблем естествознания и натурфилософии. Глубокое изучение им основных принципов естествознания стало своеобразной точкой роста для его философии. В лице Канта философия как бы откликнулась на все то новое, что рождалось в современной ему науке. Во многом благодаря этому он стал создателем философии нового типа и совершил целый ряд поворотных открытий уже в докритический период творчества. Так, с 1755 по 1756 г. для получения сначала должности доцента, а затем и профессора (которую он получит только в 1770!) Кант защитил три диссертации – «Об огне», «Физическая монадология», «Новое освещение первых принципов метафизического познания», – в которых исследует установленный Лейбницем принцип достаточного основания, переосмысливает его спиритуалистическую монадологию, пытается переосмыслить тогдашнее понимание про-

странства, вступает в спор о континуальности и дискретности материи и т. д.

Теоретической основой натурфилософии Канта стали механистические принципы, разработанные И. Ньютоном. Однако философ не собирается во всем следовать Ньютону, некоторые из его положений, особенно об абсолютности пространства, кажутся Канту попросту нелепыми. Уже в первой, еще студенческой работе «Мысли об истинной оценке живых сил» (1746) он ставит ряд вопросов, при решении которых далеко выходит за рамки ньютоновской механистической методологии и демонстрирует смелость и дерзость новатора. Прежде всего он решает чрезвычайно важный для всякого начинающего мыслителя вопрос о том, может ли он посягнуть на критику великих авторитетов, в частности вмешаться в спор картезианцев и лейбницианцев, выясняя правоту каждой из сторон. Философ проявил необычайную смелость и дерзость, продемонстрировав доверие к собственным творческим силам и вынося на суд разума многочисленные предрассудки, накопившиеся в естествознании того времени. В Германии XVIII в. много спорили по вопросу о мере сил, причем в основе спора лежал более общий вопрос – сохранять ли лейбницевское понятие силы, которое отвергал Ньютон, считая, что оно противоречит современному естествознанию и возрождает основанное на аристотелевских взглядах средневековое понятие о субстанции. Спор, по сути, шел по вопросу об источниках движения. «Все фи-

лософы до Лейбница, – пишет Кант, – придерживались мнения, что силу телу всецело сообщают извне, ею оно не обладает, когда оно находится в покое... Лейбниц же первый учил, что в теле имеется некая сущностная сила, которой оно обладает еще до протяжения» [1, т. 1, с. 63]. Кант спрашивает, есть ли в самих телах какая-то внутренняя, притом живая сила, существующая помимо внешних сил? Он ссылается на Лейбница, который страстно искал в мире импульсы внутреннего движения, считая, что тела движутся, с одной стороны, по законам механики, а с другой – изначально «заряжены» внутренним импульсом. Так через метафизику, чисто умозрительным путем Лейбниц пытался внедрить мысль о невозможности свести все в мире только к механике и ее принципам, что следует искать и другие типы закономерности в природе.

Канту импонировали эти идеи Лейбница, направленные против сообщения движения извне, но он переосмысливает и Лейбница, особенно его понимание силы как проявления внутренней психической активности. Он разрабатывает ряд чрезвычайно продуктивных идей, связанных со становлением новой немеханистической картины мира, согласно которой мир видится теперь живым и динамичным. Кант считает необходимым сделать таким и объяснение этого мира как в науке, так и в философии. Из чисто физической области спор постепенно перемещался в область методологии, изучения основных принципов исследования природы.

Многие исследователи называют эту первую работу Канта трактатом о методе. И в самом деле, уже здесь он высказывает первые сомнения в основательности школьной метафизики, считая необходимым подвергать ее суду разума. В этом и заключается главное обаяние работы. В ней ощущается будущий пафос всей кантовской мысли, когда главное – это не мнения и авторитеты, а сила самого разума, бескомпромиссное стремление к поискам истины. В то же время мыслитель демонстрирует удивительное умение преодоления крайностей и односторонних точек зрения, способность не только вскрыть противоречие, но и проявить терпимость, дать новое решение, синтезируя истинное в воззрениях самых разных сторон.

В числе статей, написанных в русле натурфилософской и естественнонаучной тематики, следует назвать небольшое произведение с очень длинным названием (тогда это было модно в науке): «Исследование вопроса, претерпела ли Земля в своем вращении вокруг оси, благодаря которому происходит смена дня и ночи, некоторые изменения со времени своего возникновения» (1754). Данная работа, написанная на конкурсную тему, объявленную Прусской академией наук, была опубликована в двух номерах «Кенигсбергского еженедельника». В ней Кант пришел к правильному выводу о том, что Земля при вращении испытывает некоторое замедление вследствие приливного трения вод мирового океана. Под воздействием приближения Луны, считал он, мор-

ские приливы перемещаются с востока на запад, т. е. в противоположном вращению Земли направлении, и тормозят его. Однако на конкурс эту работу Кант так и не подал, предполагая, по-видимому, что конкурсная комиссия ждет совершенно иного ответа. Так и вышло: победителем стал итальянский теолог, который дал отрицательный ответ на вопрос о том, претерпела ли Земля какие-либо изменения со времени своего возникновения, и следовал логике, согласно которой Земля движется так, как ее запустил господь Бог.

Еще одна работа этого периода – «Вопрос о том, стареет ли Земля с физической точки зрения» (1754). Процесс старения Земли не вызывает у Канта сомнения; все сущее возникает, совершенствуется и идет к гибели. Несмотря на ряд математических и физических неточностей, связанных исключительно с уровнем развития тогдашней науки, Кант продемонстрировал в них глубокое владение логическим методом, позволившим ему ответить на многие сложные естественнонаучные проблемы своего времени. Одновременно он показал и то, что его интересуют не только сугубо физические сюжеты, но и фундаментальные мировоззренческие и методологические вопросы. Он далеко уходит от господствовавшего тогда религиозного догматизма и чисто механистического объяснения природных процессов. Тем не менее вряд ли стоит искать в этих работах фундаментальных открытий. Скорее это был период, когда исследовались лишь отдельные вопросы, хотя и в свете основной темы того вре-

мени, универсальной космогонической проблематики, которая будет всесторонне рассмотрена и изложена им во «Всеобщей естественной истории и теории неба» (1755). От попыток общего объяснения феноменов природы Кант постепенно переходит здесь к пониманию принципов и последних эмпирико-теоретических оснований происходящего в ней, т. е. от описания природы и ее общей истории к натурфилософии.

В первой части данной работы Кант попытается выстроить новую общую концепцию и картину мира, основанную на большом количестве естественнонаучного материала и удивительной способности мыслителя к его синтезу. Общей задачей его космогонии становятся поиски всеобщего закона, позволяющего объяснить один и тот же характер происхождения этого мира и связь всех его частей по принципам одной большой системы. Кант так и напишет, что главным замыслом его работы стало «найти то, что связывает между собой в систему великие звенья Вселенной во всей ее бесконечности; показать, как из первоначального состояния природы на основе механических законов образовались сами небесные тела и каков источник их движений» [1, т. 1, с. 117]. На самом деле философ далеко выходит за пределы принципов механицизма, выстраивая динамичный, подвижный и исполненный живых сил и тенденций мир. Именно идея возникновения мира, его становления и стала тем общим принципом, с помощью которого он осуществил «фи-

лософское» объяснение природы. В работе высказывается множество гениальных идей и догадок, в том числе и идея о системном устройстве мироздания, позволившая Канту сделать ряд интересных выводов относительно устройства Солнечной системы, о существовании в ее рамках пока неведомых людям планет и т. д.

Собственно космогоническая гипотеза изложена во второй части трактата, которую философ озаглавил «О первоначальном состоянии природы, образовании небесных тел, причинах их движения и связи их между собой как звеньях системы». Она представляет собой «попытку истолкования строения и механического происхождения всего мироздания исходя из принципов Ньютона». В отличие от ряда космогонических гипотез, выдвинутых в 40–50-е гг. XVIII в. английскими и французскими учеными, кантовскую гипотезу принято рассматривать как наиболее масштабную и основательно проработанную даже по сравнению с ньютоновской. Помимо вопроса о физическом строении Вселенной он поставил вопрос о ее происхождении и развитии, а также о направлении этого развития. Неслучайно философ с самого начала пытается выяснить, как под воздействием чисто механических причин из первоначального хаоса материальных частиц могли образоваться наша Солнечная система, небесные тела и звездные миры. По Канту, для космогенеза были необходимы следующие условия: а) частицы первоматерии, отличающиеся друг от друга плотностью; б) действие двух

сил – притяжения и отталкивания, благодаря которым из частичек первоматерии и возникли все небесные образования. Кратко это можно представить следующим образом: более плотные частицы (атомы) притягивали менее плотные, образовывались комья или ядра, вокруг которых группировались более легкие частицы. Благодаря силе отталкивания образовалось круговое движение вокруг ядра. Все больше и больше атомов притягивалось к ядру, увеличивая тем самым силу притяжения. Возникло огромное трение, а в результате его – пламя, огромный огненный шар. Так возшло Солнце. Однако сила отталкивания, противодействующая притяжению, препятствовала скоплению всех частиц в одном месте. Часть их в результате борьбы двух противоположных сил обрела круговое движение, образовав вместе с тем другие центры притяжения – планеты. Примерно таким образом, по Канту, возникли и спутники планет, причем во всех звездных мирах действуют одни и те же силы и законы. Возникновение мира – дело вечности; этот процесс уже никогда не прекратится. Пройдут еще миллионы веков, в ходе которых будут возникать и совершенствоваться новые миры, а старые будут гибнуть, как гибнут все живые организмы. Разумеется, многое в гипотезе Канта не соответствует положениям современной науки, прежде всего его идея об образовании Солнечной системы из холодных, рассеянных частиц вещества. Однако все исследователи единодушны в оценках, когда говорят о главной философской идее трактата – идее ис-

торизма, развития в понимании мира, которая незыблема и сегодня.

В третьей части трактата, «содержащей в себе основанный на закономерностях природы опыт сравнения обитателей различных планет», Кант высказал еще одну интересную, но редко упоминаемую в литературе о нем гипотезу. Он задается здесь вопросами: единственные ли мы, люди, мыслящие существа во Вселенной; можно ли предположить, что есть разумные обитатели на каких-то других планетах? Размышляя над этими вопросами, он высказывает интересные догадки: большинство планет нашей системы, несомненно, обитаемо; свойства материи, с которой необходимо связаны разумные создания на планетах, определенным образом отражаются на их духовных способностях. Более того, Кант даже показывает, как должны выглядеть обитатели разных планет по сравнению с жителями Земли. Здесь же он говорит, что по истечении времени, предписанного нам для проживания на Земле, может начаться межпланетная жизнь человечества.

Заканчивается третья часть, как и книга в целом, замечаниями Канта относительно природы человека и его истинного предназначения. При этом данный фрагмент текста удивительно перекликается по духу с заключительными строками более поздней работы мыслителя («Критики практического разума»), составившими ему бессмертную славу. Речь идет о «двух вещах, наполняющих душу всегда новым и

все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – *звездном небе надо мной и моральном законе во мне*». Здесь философ также вспоминает о «виде звездного неба в ясную ночь», который доставляет удовольствие только благородной душе и который заставляет заговорить скрытую познавательную способность бессмертного духа. Он говорит, что земной шар одновременно и «несчастен», и «счастлив», так как населяющие его мыслящие существа и жалки, и величественны, ибо, с одной стороны, они обуреваемы тщеславием, а с другой – им «открыт путь к достижению блаженства и величия, бесконечно возвышающихся над теми преимуществами, которых способно достичь наивыгоднейшее устройство природы на всех небесных телах!» [1, т. 1, с. 261–262].

Данная работа станет важным звеном для становления философских взглядов мыслителя; как образно выразился Ф. Энгельс, космогоническая гипотеза Канта «пробила первую брешь в метафизическом способе понимания мира», т. е. представлении о нем как о совокупности готовых, законченных процессов. К критике этого метафизического способа мышления мы и переходим.

1.4. Проблемы метафизики в докритический период творчества Канта и начало формирования критической методологии

Еще задолго до работы над «Критикой чистого разума», главной темой которой выступает метафизика, Кант размышлял о проблемах метафизики и метафизического метода, о его соотношении с методами математики и опытного естествознания, о способности нашего мышления (в виде чистого логического понятия и умозаключения) выразить и постичь структуру действительного мира. С 1755 по 1766 год он пишет ряд работ по этой тематике.

Философ начинает с критики современной ему метафизики в ее вольфовско-лейбницеvском варианте, с критики ее исходного принципа – отождествления мышления и бытия, а также ее методологии, в качестве которой использовались принципы формальной логики. Эта логика, по сути, смешивала логические и реальные основания, утверждая, что логическое отношение основания и следствия равнозначно реальному отношению причины и следствия и что логическое основание и следствие связывают вещи и явления таким же образом, как понятия и суждения. Кант приходит к выводу о несовпадении между реальными и логическими основания-

ми, четко различая *основания бытия* (самого реального мира) и *основания познания*. Именно в это время намечаются его первые сомнения в том, что порядок идей всегда совпадает с порядком вещей; с другой стороны, он чрезвычайно высоко оценивает опытное естествознание и использует его результаты и выводы в качестве отправного пункта для критики формальной логики и ее основных принципов.

В 1762 г. он пишет работу «Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма», где ставит под сомнение ряд положений формальной логики, характеризуя ее как «колосс, голова которого скрывается в облаках древности, а ноги сделаны из глины». Определяя метафизику самым трудным из всех видов человеческого понимания, он считает, что она до сих пор так и не была «написана» во многом из-за того, что ее орудием был силлогизм, раскладывавший мир на ряд умозаключений разума. Но разве таков реальный путь познания, спрашивает он и отмечает бесполезность теории силлогистики в деле отыскания истины. «Ложным мудрствованием» назовет он все, кроме первой фигуры силлогизма. Здесь же он сформулирует два чрезвычайно важных для последующих его изысканий выводы:

- понятия возникают из суждений и умозаключений, а не наоборот (вывод будет крайне важен при поиске чистых рассудочных понятий в его трансцендентальной аналитике);
- абстрактное мышление обладает таинственной силой, делающей возможным составлять суждения и способной

превращать наши представления в предмет мысли, конструируя тем самым предмет познания.

В 1763 г. Кант издает «Опыт введения в философию понятия отрицательных величин». В этой работе он продолжает критику формальной логики и ставит новую для себя проблему – реальности противоположностей. Философ формулирует идею *о различии между логическими и реальными противоположениями:*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.